

Повод для встречи

ПОЭЗИЯ ПОВОЛЖЬЯ

113

Во время подготовки очередного номера «Казанского альманаха» член его редколлегии, поэт Эдуард Учаров побывал в г. Тольятти на I фестивале поэзии Поволжья. Приглашение было получено от организатора литературного мероприятия – поэта и главного редактора журнала «Графит» Сергея Сумина.

В насыщенную двухдневную программу фестиваля вошли лекции, представление поэтических книг, показ графики и роликов видеоарта, концерт музыкальных групп, круглый стол на тему: «Судьбы поэзии в эпоху Медиа», презентации литературных журналов и альманахов. Ну и, конечно же, чтение участниками форума своих произведений

Сергей Сутин

Тольятти

* * *

о чём думал Борхес, погружаясь во тьму колодца?
что свет – стеклянная ваза, вот-вот разобьётся
а литература – счастье, которое в нас остаётся

о чём думал Рембо, уходя по песку золотому?
что солнце прекрасно, поэты лишь мутят воду
а всё, что нужно – жить в пустыне как дома

эти пути-дороги, встречаясь, рождают прозы
но жизни послушны? смерти? строки цветут как розы
и лечат, царапают, колют, роняют слёзы

Борхес ценил чужое больше того, что сам чертал на бумаге
слова ведь ничьи, как капли прозрачной влаги
их придумали Боги, а собирают библиотекари или маги

читатель и есть писатель, стихи – место их встречи
себя узнаём в других, и нас узнавание лечит
песок утекает сквозь пальцы, но остаётся вечность

мы тоже из тех, чья жизнь поселилась в слове
пусто на сердце, перо лишь всегда наготове
и терпеливые буквы играют привычные роли

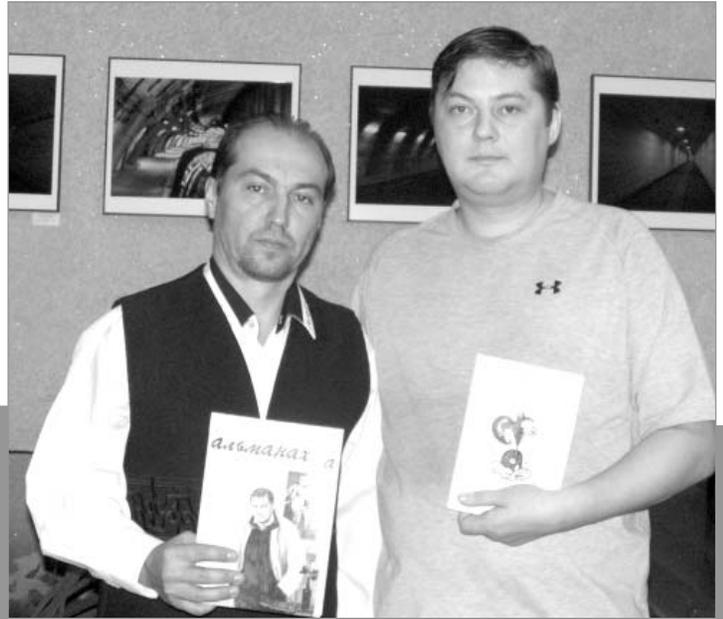
что знаем мы о поэзии, её безмолвии встречном
о гулких шагах в ночи с их многоточьем извечным
о поцелуях долгих, даруемых нам на Млечном?

планета летит в пространстве, ей угрожает холод
легко говорить, только пока ты молод
в спину тычется ветер, я поднимаю ворот

не нужно шептать, что смысл навсегда потерян
ветер усилился, но я лишь в словах уверен
счастье пронзает – наш путь ещё не измерен

я знаю, о чём думал Борхес, погружаясь на дно колодца:
у колодца нет дна, никто в нём не разобьётся
литература – дверь, за которой всё и начнётся...

На I фестивале
поэзии
Поволжья
Сергей
Сумин
(Тольятти)
и Эдуард
Учаров
(Казань)

Константин Лайтфриз

Самара

* * *

Почувствуй остывающий песок,
когда в костёр подбрасываешь хворост.
Послушай треск. Нагретый висок
пускай остудит вдруг набравший скорость

ночной Борей. Ты видишь синий смог,
расчерченный зигзагами неона.
Вокзал стеклянный. Купол, словно стог
светящийся, и новые законы –

мерцающие красным письмена,
что множатся чернеющей рекою.
как памятью чужие имена,
ведущие друг друга за собою,

как бакен – запоздалые суда,
гремящие для чьей-нибудь забавы,
где танцы вместо пота и труда,
чтоб не заметить долгой переправы.

Памяти друга

Саше

Прощанье – есть повод для встречи.
И мы не расстались, а ты
напомнил недолгою речью
с далёкой своей высоты,

что жизнь холодна, как бумага,
в которой нет слова «люблю».
Пустая железная фляга.
Отрезок, сведённый к нулю.

И встреча – не повод к разлуке.
Спасибо за этот урок.
И память – есть тёплые руки,
сведённые молча – в замок.

Дмитрий Воробьев

Чебоксары

Синописис

из цикла «Зимняя медицина»

пусть стихи будут жёсткими
хрустящими прощальными
как снег или песня о снеге

замерзающего человека
всё тише голос несвязней
вязнет в дорожных сумерках

наступай и пой
по насту па-
а-о-да-й

не согреет сугроб
песня пойкилотермная
твоя дорога домой
единственный дом

наверное

Инга Таак

Димитровград

* * *

А я всегда была Жар-птицей!..
Но ты не чувствовал огня.
Ты как ребёнок веселился,
Когда из рук кормил меня.

И мнилось мне, что я царицей
В высоком тереме жила...
Но желтогрудую синицу
Всё отражали зеркала.

А ты парил под облаками
И канителью золотой
Был связан с гордыми богами,
Что наблюдали за тобой.

Ты мастерил свои игрушки,
Из парусины шил крыла,
Да подсыпал зерна в кормушку,
Чтоб я счастливою слыла.

Но как-то раз забыл оконце
Перед полётом затворить.
Забилось сердце колокольцем:
И я хочу по небу плыть!..

Вспорхнула я на подоконник,
Расправив слабые крыла,
Раскрыла трепетно ладони
Навстречу солнцу! И ушла...

Дитя зари – сама зарница –
Живу, мечтателей маня.
Ведь я всегда была Жар-птицей!..
А ты не чувствовал огня...

Алексей Александров

Саратов

* * *

Ночью воют хрустальные волки,
В простыню замотавшись луны,
Свет на кухоньке, мышь недомолвки,
Белый парус мятежной жены.

Это в облаке город Арбатов
Пролетает над поймой реки
Там, где приняли по сто на брата
Однояйцевые моряки
И заснули в нелепом сраженье
С телом, вдруг обретающим вес,
С тихим скрежетом, без выраженья
Выпадая из скользких небес.

* * *

Мы дышим, и, что называется воздух,
Толчёным стеклом заедает себя,
Всегда облегчение – кто-нибудь с возу,
И падает снег, за рукав тербя.
И речь не слышна, но дымок разговоров
Уходит с теплом, достигая высот.
Однажды в холодную зимнюю пору
Внутри закипает, как жидкий азот –
...Съезжаются, словно назначив охоту,
Костёр затевают у самой реки
И ложкой мешают прозрачное что-то,
Пока не прервали дыханье курки.

Ольга Левина

Уфа

* * *

Словно шубку, за окно себя не вывесить –
Вейся, дескать, пыль, да ложись на снег.
Как не может золото быть без примеси,
Так не жив без прошлого человек.

Вот уже у мамы голубеют радужки,
На ладошках скрещиваются пути –
Как у бабушки.

В этой комнате мы жили с бабушкой.
Просто так, пожалуйста, не входи.

* * *

И – да, ты не так уж худа и слаба.
Юлой закружатся кудряшки у лба.
В мужчинах есть что-то
От скучного Лота,
А в женщинах – от соляного столпа.

Теперь он пытается выдернуть кисть –
Лисе бы так лапу свою перегрызть.
И, вроде, возмездие
Было уместным,
Но, может быть, Лот и кричал: «Обернись?»

119

Елена Корева

Тольятти

* * *

М.

Не любит он и не стремится
Боится он и ускользает
Ресница падает в страницы
Моей любви он не узнает
И будет карточка пылиться
В бумагах старых, в антресолях
Соль жизнь – жирная синица
В ладонях дёрнется, застонет
Одною мы с тобой породы
Но только я – чуть посмелее
Похмелье, сны, пустые годы
С тобой – минуту лишь теплее
Летать иль ползать – разница какая?
А впрочем, где сейчас легко?
Слеза, шаги, тень от трамвая
А может, лучше на метро?

Эдуард Угаров

Казань

* * *

Бродя по закоулкам января,
во двориках, прижавшихся к домам
ветвями лип с обмёрзшими стволами,
оглядываясь, вновь увижу я
румяный лик святого Рождества,
к заутрене зовущего церквями.

И брызнет жизнь на полушубок мой...
Малиновыми каплями луча
рассвет покажет место, где далёко
скользнуло небо на пустырь седой
и голубою тучей улеглось
до Воскресенья подремать немного...

* * *

Забалдев под болдинскую осень,
Заварю иголки кипариса:
Заходи чайку попить, Иосиф –
Неба умирающего писарь.

Посиделки с классиком поэту
Как не помянуть тоскливо-броско?
Потому в Венецию поеду,
Или где там похоронен Бродский?

Только в эту шалевую осень
Ошалеть другим придётся строкам –
Водки заходил напитокся Осип,
Чтоб согреться под Владивостоком...

Василий Чердаков

Сызрань

* * *

Мне мои стихи напоминают
Льдинки леденящие во рту...
Ломят сердце, радуют... и тают,
Наполняя смыслом суету.

Хочется стихом за горизонтом
Видеть необъятные миры,
От врагов укрыться словно зонтом,
От дождей пытающе-сырых.

В них сокрытый смысл и жажда жизни,
Сила осязания добра,
Жар святой мечты любви к Отчизне –
Всё, что вам по капелькам собрал.

Сергей Трунёв

Саратов

* * *

судьба отмеряет и режет
и небо зовёт: летим
а ты ещё слишком нежен
ещё не окреп хитин

и мышцы, что под хитином
пока что не хороши
и выглядишь ты кретином
в исподнем твоей души

поди ж, объясни на пальцах
как делают пацаны
что это нехватка кальция
и нервы обнажены

что ты похож на пружину
тисками тревоги сжат...
всё сбудется, будем живы
недолго осталось ждать

* * *

умирая, помни: это не навсегда
будет новый круг и новая точка сборки
это как наутро свежая борода
или как в предзимье на лыжи сменить опорки

воскресая к жизни, помни: она ушла
далеко от места, где ты её покинул
оттого по жизни обманутым нет числа
что округность впрямь из прямых,
но коротких линий